

— Все началось, когда, поступив в гимназию, я подружился с детьми Шалапина и стал бывать у них в доме. Здесь я наблюдал жизнь большого артиста. Это очень важно—встретить в жизни человека, счастливого своим делом. Потому что такое счастье — ценная реакция. И уже совсем скоро вовсе не учение стало для меня главным, а участие в спектаклях...

Мы разговариваем с Павлом Владимировичем Массальским, а я никак не могу отделаться от мысли о первой нашей встрече. Это было давно-давно. Кино для меня началось фильмом «Цирк». И странно, совсем не блистательная Орлова, что было бы вполне понятно, а именно он поселился в памяти, эдакий надменный и элегантный, очень гордый и очень красивый, в черном фраке и в черном цилиндре,—помните, тот самый «хозяин цирка»? Тогда мне казалось, что с фамилией Массальский просто нельзя не стать знаменитым актером.

А потом я видела его Вронским. Была еще Тарасова... и это: «Я люблю вас, Анна...» Он пришел в МХАТ «разовым сотрудником», а сегодня — народный артист СССР.

— Если и получалось, то только потому, что всегда мне было интересно играть. Впрочем, «играть» — слово, наверное, не самое точное. Очень уж легко звучит — «играть» — это ведь не только показать, но и разгадать, понять, прочесть своего героя. Актер может показать ярко какую-то одну черту, а может — целый характер. Хорошо помню, как однажды на репетиции «Трех толстяков» Москвин сказал молодому коллеге: «Все ты хорошо показал, а теперь расскажи-ка, как он чай дома пьет, герой твой...» О человеке, который становится частью на сцене, надо знать все, несравненно больше того, что увидит зритель.

Или одна из последних моих ролей — царь Фердинанд в «Парской милости». Я все время искал логику поведения этого коварного человека. С «негодями» всегда особенно сложно, но в то же время и интересно.

Ищешь всегда особой «отмычки» к своему герою. Чем больше вшел, тем точнее вылепишь образ. В школе-студии мы часто говорили своим студентам (а они нас, конечно, не слушают): «Внимательнее смотрите вокруг себя. Много читайте. Разговаривайте с людьми. Интересуйтесь всем, что встречаете на своем пути. И непременно вздумывайтесь, анализируйте». Момент анализа, взгляд, как бы со стороны на все происходящее совершенно обязательны в нашей профессии.

— Вы говорите о том, что у актера всегда идет отбор материала. Всегда...

— Хотите расскажу в ответ о двух часах из своей жизни. Я провел их на улице у одного окна. Лет 25 уж тому. Шел по Кировской, и вдруг передо

ВСТРЕЧА
ДЛЯ ВАС

ПАВЕЛ МАССАЛЬСКИЙ

мной — освещенное окно. Женщина накрывает на стол, ласково так, легко, празднично. Хотел отойти и не мог. А потом пришел Он, и они говорили о чем-то, потом все резко-резче... и Он ушел. Женщина долго стояла молча, после чего, повернувшись, стала как-то бесцветно передвигаться, вяло убирать со стола. И это была уже другая женщина.

Да, наверное, не самое достойное занятие на свете смотреть в окна. И все же вопрос — как смотреть, какими глазами.

Память актера — жадная память. Но не хищная, поверьте. Даже когда бывает такое: у человека горе, а ты ловишь себя на том, что в сострадание и сочувствие вклинивается вдруг невероятное; пусть неосознанно, но четко фиксируешь увиденное — так посмотрел, так сказал, так заплакал... Все это нужно для одного. Для театра. И не осуждайте актера за такое. Ведь это его работа... И не думайте, что сердце его при этом глухо.

Обычно, рассуждая издалека о жизни актеров, нудя чаще мы произносим слово «талант» и нудя реже — «работа». Да, без второго не быть первому. Но я — о другом. Шел спектакль — и было много актеров. А потом выходил один. И все менялось вокруг, становилось недостижимым и сказочным. Там тоже была работа, но было еще что-то...

— Талант и для меня, непостижимая тайна. Большие актеры (я называю маленькими совсем не тех, кто маленькие роли играет) — они делают с человеком невероятное. И со мной тоже, как со всеми. За эту неразгаданную тайну и люблю театр. О, я знаю все недостатки нашей профессии. Актерская жизнь очень уязвима; невидимые миру слезы — наша «привилегия». Вы спрашиваете, считает ли актер аллоидом? Да, конечно, считает и даже в буре оваций услышит, какая часть приходится именно ему. Но все же настоящего актера сцена влечет не овациями. Недогадная такая штука — во что бы то ни стало надо отдать то, что есть у тебя. Иначе не сможешь. И не важно где — в столичном ли театре или в провинциальном, только отдавать бы.

— Павел Владимирович, вы обмолвились о человеческой высоте... Очень соблазнительно,

по-моему, актеру воспользоваться своим мастерством не только на сцене. Не приходилось ли вам играть и в жизни?

— Ну разве что кем-то можно подыгрывать. Мне всегда было легко разговаривать с людьми, я хотел быть с ними на равных. Не подстраиваясь, нет, но делал все, чтобы собеседнику было проще со мной. А разве вы не так? К примеру, если нравится вам человек, конечно же, хочется казаться лучше, чем ты есть, чуть-чуть придумываешь себя. Даже не придумываешь — появляется вдохновение. Но это не игра.

Я слышала, что у Массальского много друзей. Об актерах всегда столько говорят. И очень удивилась его ответу.

— В жизни у меня был всего один настоящий друг — Володя Ершов, тоже актер. Это — когда на одной волне до конца и на равных. Мы не смотрели друг на друга «собачьими» глазами — поделись, и тебе станет легче. Сейчас как-то в моде эдакая опустошающая откровенность. И называют это дружбой. А она — в другом. Когда не задуливаешься: «Вот я помогу ему», а просто — нельзя иначе. Но это — все по высшему счету. Между людьми складываются и другие отношения, которые тоже прекрасны. Страшит лишь приятельство в худшем его проявлении. Когда «дружат», чтобы скучать или не скучать вместе.

Мы много говорили об этих итогах, и уже одной такой разговор — прекрасная тема не только для отдельной статьи, но и для целой книги. Я спросила его, не пишет ли он, — ведь есть о чем рассказать.

— Нет. У меня есть с кем поделиться — мои студенты. У нас неплохие отношения. Я многое говорю им. И не потому, что надо сказать, а потому, что хочу сказать. В молодости все мы бываем очень щедрны на затраты сил и тратим время так неистово, будто оно бесконечно. Самых себя успокаиваем: у меня еще все впереди. И оттягиваем отчаянно этот срок, забывая, что и у человека, как у природы, свое время сеять и свое собирать урожай. Вопрос в том, когда поймешь это. Можно ведь и опоздать.

Я спросила профессора Массальского, какие студенты нравятся ему.

— Такие, каких я могу понять. Мы ведь тоже не были святыми. Всклок случалось в жизни, но было одно: завтра утром репетиция. Конеч. Все прочее остается по ту сторону. Приходишь на главное. Я не призываю своих ребят к аскетизму. Молодость — молодость. Но мне не понять того, кто приходит — на главное, подчеркиваю — опустошенный и размагиченный. Пойму и приму того, кто не выплеснулся на другом, кто весь себя без остатка принес делу.

— Павел Владимирович, прожита большая богатая жизнь, что представляется вам самым дорогим в ней? В чем главная ценность ее?

— В святости. У человека непременно должно быть за душой что-то святое. Взять тот же театр. Я встречался с актерами, которым что выпить стакан чаю, что выйти на сцену — одно и то же. Это — нельзя, это — плохо. И хуже всего, что такое — инфекция...

Мы разговариваем с Павлом Владимировичем, и все давит уходит из памяти тот самый надменный и элегантный, в черном фраке и черном цилиндре «хозяин цирка». Передо мной добрый и мудрый, много понявший и много понимающий человек, старше меня на всю мою жизнь. И... мой современник.

— О, молодость старого актера — довольно грустная тема. Потому что в душе артист всегда молод. Играть бы да играть, но вот все чаще является желанная упрекнуток примера... Это уже звоночки — пора прощаться с ролью. От природы не уйдешь. Но есть и должна быть другая молодость, та, которая зависит от нас самих. Молодость — это ведь когда все впервые. Меня пугают иные начинающие артисты, которым уже сейчас все ясно. А рядом со мной работает знаменитая актриса, но каждый раз она выходит на сцену дебютанткой. И чудо... ведь так не бывает — она прекрасна. Потому что сохранила способность волноваться. Радоваться. Удивляться.

Беседу вел
Э. ЩЕРБАНЕНКО.

Новосибирская правда

13 СЕН 1970